

ИЩУ ЧЕЛОВЕКА

Четыре года спустя на лице журналистки Агаповой появится глубокий шрам от удара металлической рейшиной. На нее с безумным воплем кинется архитектор-самоучка Дегтяренко, герой публицистической радиопередачи «Ясность», так и не запущенной в эфир. За шесть недель до этой безобразной сцены журналистке впервые расскажут о проекте «Мобиле кооперато» и его гениальном творце, чернорабочем одной из таллинских фабрик. Агапова напишет очерк под рубрикой «Встреча с интересным человеком». Технический отдел затребует чертежи. Эксперт Чубаров минуту подержит в холеных руках две грязные трепещущие кальки и выскажется следующим образом:

— Оригинально! Весьма оригинально!

Журналистка с облегчением и гордостью воскликнет:

— У него четыре класса образования!

— А у вас? — брезгливо поинтересуется эксперт. — Вы знаете, что это такое?

— Мобиле кооперато. Подвижный дом. Жилище будущего...

— Это вагон, — прервет ее Чубаров, — обыкновенный вагон. А вашего Ле Корбюзье нужно срочно госпитализировать...

Передачу тут же забракуют. Обнадеженный было Дегтяренко ударит Лиду металлической рейшиной

по голове. Карьера внештатной сотрудницы Таллинского радио надолго прервется... Все это произойдет четыре года спустя. А пока мы следуем за ней к трамвайной остановке.

До этого было пасмурное утро, еще раньше — ночь. Сонный голубь бродил по карнизу, царапая жуть. Затем — будильник, остывшие шлепанцы, толчая возле уборной, чай, покоробившийся влажный сыр, гудение электробритвы — муж спешит на работу. Дочь: «Я, кажется, просила не трогать мой халат!»... И наконец — прохлада равнодушных улиц, ветер, цинковые лужи, болонки в сквере, гроыхание трамвая...

Попробую ее изобразить. Хотя внешность Агаповой существенного значения не имеет.

Резиновые импортные боты. Тяжелая коричневая юбка не подчеркивает шага. Синтетическая курточка на молнии — шуршит. Кепка с голубым верхом — форменная — таллинского политехника. Лицо решительное, вечно озябшее. Никаких следов косметики. Отсутствующий зуб на краю улыбки. Удивляются только глаза, брови неподвижны, как ленточка финиша...

Следуем за нашей героиней. Трамвайная остановка...

«...Вон как хорошо девчонки молодые одеваются. Пальтишко бросовое, а не наше. Вместо пуговиц какие-то еловые шишки... А ведь смотрится... Или эта, в спецодежде... Васильки на заднице... Походка гордая, как у Лоллобриджиды... А летом как-то раз босую видела... Не пьяную, сознательно босую... В центре города... Идет, фигурирует... Так и у меня, казалось бы, все импортное, народной демократии. А вида нету... И где они берут? С иностранцами гуляют? Позор!.. А смотрится...»

С натугой разъехались двери трамвая. Короткий мучительный штурм. Дорогу ей загородила широкая

армейская спина. Щекой — по ворсистой удушливой ткани... Ухватилась за поручень. Мелькнула жизнь в никелированной трубе...

— Копеечку не опускайте...

Лида балансирует над металлическим ящиком-кассой.

— Да проходите же, стоит как неродная...

Главное, не раздражаться, относиться с юмором. Час пик, обычное явление. Тут главное — найти источник положительных эмоций. Вон бабке место уступили. Студент конспекты перелистывает. Даже у военного приличное лицо...

И снова — улица, машины, люди, приятная, волнующая безучастность людей и машин. Затем — вестибюль, широкая мраморная лестница, ковровые дорожки, потертые на сгибах... Табличка — «Отдел пропаганды».

Лида постучала и вошла. Все ужасно ей обрадовались. Кулешов сказал очередную пошлость. Верочка Котова улыбнулась, не поднимая глаз. Женя Тюрин помог раздеться. Моралевич спросил:

— Ты слушала в четверг? Сам Юрна тобой доволен.

— Правда?!

Тут же курил и Валя Чмутов, хронический неудачник. Чмутов был актером. Имел природный дар — красивый низкий голос удивительного тембра. Работал диктором. Шесть месяцев назад с ним произошла трагическая история. Чмутов должен был рано утром открыть передачу, которая шла непосредственно в эфир. Произнести всего несколько слов: «Дорогие радиослушатели! В эфире еженедельная программа „Здравствуй, товарищ!“». И все. Дальше — музыка и запись. Чмутов получает свои одиннадцать рублей.

Чмутов зашел в рубку. Сел. Придвинул микрофон. Мысленно повторил текст. Подвернул манжеты, что-

бы запонки не брякали по столу. Ждал, когда загорится лампочка — «Эфир». На душе после вчерашнего было тоскливо. Лампочка не загоралась.

— Дорогие радиослушатели! — задумчиво произнес Чмутов.

Тяжело ворочался обожженный портвейном язык. Лампочка не загоралась.

— Дорогие радиослушатели, — снова повторил Чмутов, — о, мерзость... Дорогие радиослушатели... Да, напрасно я вчера завелся...

Лампочка не загоралась. Как выяснилось, она перегорела... Это бывает раз в сто лет...

— В эфире еженедельная программа, — репетировал Чмутов, — ну, бля, все, завязываю...

За стеклом мелькнула перекошенная физиономия редактора. Чмутов обмер. Распахнулась дверь. Упирающегося диктора выбросили на лестницу. Его похмельные заклинания разнеслись на весь мир. Актер был уволен... История не кончается.

Чмутов уехал во Псков. Поступил диктором на радио. Местная радиотрансляция велась ежедневно часа полтора. Остальное время занимали Москва и Ленинград. Чмутов блаженствовал. Его ценили как столетнего мастера.

Как-то раз он вел передачу. Неожиданно скрипнула дверь. Вошла большая коричневая собака. (Чья? Откуда?) Чмутов ее осторожно погладил. Собака прижала уши и зажмурилась. Нос ее сиял крошечной боксерской перчаткой.

— Труженики села рапортуют, — произнес Чмутов.

И тут собака неожиданно залаяла. Может быть, от счастья. Лаской ее, видимо, не избаловали.

— Труженики села рапортуют... Гав! Гав! Гав!

Чмутова снова уволили. Теперь уже навсегда и ото всюду. Когда он рассказал о собаке, ему не поверили. Решили, что он сам залаял с похмелья.

Чмутов уехал в Ленинград. Целыми днями сидел на радио. Ждал своего часа...

Неудачников все избегают. Лида ему улыбнулась.

В отделе пропаганды Агапова сотрудничала давно. Все ее любили. Вот и теперь заведующая Нина Игнатьевна ласково ей кивнула:

— Лидочка, пройдите ко мне.

В кабинете тишина, полированный стол, бесчисленные авторучки. В шкафах за стеклами мерцают сувениры и корешки энциклопедии. В столе у Нины Игнатьевны — помада, зеркальце и тушь. И вообще приятно — интересная молодая женщина в таком серьезном кабинете...

— Лидочка, я хочу вам новую рубрику предложить. «Встреча с интересным человеком». Причем необязательно с ученым или космонавтом. Диапазон тут исключительно широкий. Почетное хобби, неожиданное увлечение, какой-нибудь штрих в биографии. Допустим, скромный номенклатурный главбух тайно... я не знаю... все, что угодно... не приходит в голову... Допустим, он тайно...

— Растлевет малолетних, — подсказала Лида.

— Я другое имела в виду. Допустим, он тайно...

— Изучает санскрит...

— Что-то в этом духе. Только более значимое в социальном отношении. Допустим, милиционер помогает кому-то отыскать близкого человека...

— Есть кино на эту тему.

— Я не могу предложить вам что-то конкретное. Тут надо подумать. Вот, к примеру. На фабрике «Калев» проходили съемки «Одинокой женщины». Помните, с артисткой Дорониной. Так вот, мальчишка, который участвовал в съемках, превратился в начальника одного из цехов.

— Мне нравится эта тема, — сказала Лида, — я ее чувствую.

— Эту тему уже использовал Арвид Кийск. Я говорю — в принципе. Надо придумать что-то свое. Допустим, старый генерал ложится на операцию. И узнает в хирурге своего бывшего денщика...

— Как фамилия? — спросила Лида.

— Чья?

— Как фамилия этого генерала? Или денщика?

— Я говорю условно... Тут главное — неожиданность, загадка, случай... Многоплановая жизнь... Снаружи одно, внутри другое...

— Это у многих так, — вздохнула Лида.

— Короче — действуйте, — сказала Нина Игнатьевна, едва заметно раздражаясь.

Лидочка вышла из кабинета.

Интересные люди окружали ее с детства. Отец был знаком с Эренбургом. Учитель рисования в школе слыл непризнанным гением. Потом за ней ухаживал бандит и даже написал стихи. Институтские профессора удивляли своими чудачествами. У одного была вечно расстегнута ширинка. Интересным человеком был ее муж: старший экономист, а пишет с ошибками. Дочь казалась загадочной — всегда молчит. А последнее время до такой степени, что Лида решила, не беременна ли... Монтера из домоуправления вызвали, оказывается — сидел чуть ли не за убийство. Короче, все люди интересные, если разобраться...

По образованию Лидочка была врачом-гигиенистом. Начала перебирать бывших однокурсников. Павинский, Рожин, Янкелевич, Феофанов... Мищенко, кажется, спортом занимался. Левин в науку ушел... Левин, Борька Левин, профессор, умница, доктор наук... Говорят, был во Франции...

Агапова достала блокнот и записала на чистой странице — Левин.

Стала перебирать знакомых мужа. Тоже, конечно, интересные люди. Экономисты. Калинин, например,

утверждает, что безработица — стимул прогресса. А то все знают, что их не уволят. А если и уволят, то не беда. Перейдет через дорогу и устроится на соседний завод. То есть можно прогуливать, злоупотреблять... Калинин вряд ли подойдет. Уж слишком прогрессивный... А Меркин тот вообще. Его спрашивают, что может резко поднять нашу экономику? Отвечает — война. Война, и только война. Война — это дисциплина, подъем сознательности. Война любые недостатки спишет... Думаю, что и Меркин не подойдет... А вот приходил на днях один филолог со знакомой журналисткой... Или даже, кажется, переводчик. Служил, говорит, надзирателем в конвойных частях... Жуткие истории рассказывал... Фамилия нерусская — Алиханов. Бесспорно, интересный человек...

Так рядом с Левиным в блокноте появился Алиханов.

Еще бы третьего кандидата найти. И тут Лида вспомнила, что у соседей остановился родственник из Порхова. Или знакомый. Что-то Милка Осинская во дворе говорила. Какая-то у него судьба загадочная. То ли был репрессирован, то ли наоборот... Начальник из провинции — это любопытно. Это можно как-нибудь оригинально повернуть. «Нет географической провинции, есть провинция духовная...»

Так рядом с Алихановым и Левиным появился вопросительный знак. И в скобках — родственник Милки О.

Можно еще в резерве оставить начитанного домуправа. Сименоном интересовался. Но у Лиды с ним конфликт из-за вечно переполненных мусорных баков... Ладно... Надо браться за дело!..

— До свидания, Верочка, мальчики!

— Агапова, не пропадай!..

Позвонила Борьке Левину в клинику. Узнал, обрадовался, договорились на час.

Бывший надзиратель оказался дома.

— Приезжайте, — сказал он, — и если можно, купите три бутылки пива. Деньги сразу же верну.

Лида зашла в гастроном на улице Карья, купила пиво. Дома в районе новостроек: от подъезда до подъезда — километр...

Алиханов встретил ее на пороге. Это был огромный молодой человек с низким лбом и вялым подбородком. В глазах его мерцало что-то фальшиво неаполитанское. Затеял какой-то несуразный безграмотный возглас и окончить его не сумел:

— Чем я обязан, Лидочка, тем попутным ветром, коего... коего... Достали пиво? Умница. Раздевайтесь. У меня чудовищный беспорядок.

Комната производила страшное впечатление. Диван, заваленный бумагами и пеплом. Стол, невидимый под грудой книг. Черный остов довоенной пишущей машинки. Какой-то ржавый ятаган на стене. Немытая посуда и багровый осадок в фужерах. Тусклые лезвия селедок на клочке газетной бумаги...

— Идите сюда. Тут более-менее чисто.

Надзиратель откупорил пиво.

— Да, колоритно у вас, — сказала Лида. — Я ведь по образованию гигиенист.

— Меня за антисанитарию к товарищескому суду привлекали.

— Чем же это кончилось?

— Ничем. Я на мятежный дух закашивал. Поэт, мол, йог, буддист, живу в дерьме... Хотите пива?

— Я не пью.

— Вот деньги. Рубль одиннадцать.

— Какая ерунда, — сказала Лида.

— Нет, извините, — громко возмутился Алиханов.

Лида сунула горсть мелочи в карман. Надзиратель ловко выпил бутылку пива из горлышка.

— Полегче стало, — доверительно высказался он. Затем попытался еще раз, теперь уже штурмом осилить громоздкую фразу: — Чем я обязан, можно сказать, тому неожиданному удовольствию, коего...

— Вы филолог? — спросила Агапова.

— Точнее — лингвист. Я занимаюсь проблемой фонематичности русского «Щ»...

— Есть такая проблема?

— Одна из наиболее животрепещущих... Слушайте, что произошло? Чем я обязан неожиданному удовольствию лицеизреть?..

Надзиратель опрокинул вторую бутылку.

— Мы готовим радиопередачу «Встреча с интересным человеком». Необходим герой с оригинальной биографией. Вы филолог. Точнее — лингвист. Бывший надзиратель. Человек многоплановой жизни... У вас многоплановая жизнь?

— Последнее время — да, — честно ответил надзиратель.

— Расскажите поподробнее о ваших филологических исследованиях. Желательно в доступной форме.

— Я вам лучше дам свой реферат. Что-то я плохо соображаю. Где-то здесь. Сейчас найду...

Алиханов метнулся к напластованиям бумаги.

— В другой раз, — успокоила Лида. — Мы, очевидно, еще встретимся. Это у нас предварительная беседа. Мне хочется спросить. Вы были надзирателем, это опасно, рискованно?

Алиханов неохотно задумался.

— Риск, конечно, был. Много водки пили. Лосьоном не брезговали. На сердце отражается...

— Я имела в виду заключенных. Ведь это страшные люди. Ничего святого...

— Люди как люди, — сказал Алиханов, откупоривая третью бутылку.

— Я много читала. Это особый мир... Свои законы... Необходимо мужество... Вы мужественный человек?

Алиханов вконец растерялся.

— Люба, — сказал он.

— Лида.

— Лида! — почти закричал Алиханов. — Я сейчас достану шесть рублей. У меня гуманные соседи. Возьмем полбанки и сухого. Что-то я плохо соображаю.

— Я не пью. Вы мужественный человек?

— Не знаю. Раньше мог два литра выпить. А теперь от семисот граммов балдею... Возраст...

— Вы не понимаете. Мне нужен оригинальный человек, интересная личность. Вы филолог, тонко чувствующий индивидуум. А раньше были надзирателем. Ежедневно шли на риск. Душевная тонкость очень часто сопутствует физической грубости...

— Когда я вам грубил?

— Не мне. Вы охраняли заключенных...

— Мы больше себя охраняли.

— Откуда у вас этот шрам? Не скромничайте, пожалуйста...

— Это не шрам, — воскликнул Алиханов, — это фурункул. Я расчесал... Извините меня...

— Я все-таки хочу знать, что вы испытывали на Севере? Фигурально выражаясь, о чем молчала тундра?

— Что?

— О чем молчала тундра?

— Лида! — дико крикнул Алиханов. — Я больше не могу! Я не гожусь для радиопередачи! Я вчера напился! У меня долги и алименты! Меня упоминала «Немецкая волна»! Я некоторым образом — диссидент! Вас уволят... Отпустите меня...

Лида завинтила колпачок авторучки.

— Жаль, — сказала она, — материал интересный. Будьте здоровы. Я вам позвоню. А вы пока отыщите свой реферат...

Надзиратель стоял обессиленный и бледный.

— Минутку, — сказал он, — я тоже иду. У меня гуманитарные соседи...

На площадке они расстались. Лида зашагала вниз. Алиханов взлетел на четвертый этаж...

Левин обнял ее и долго разглядывал.

— Да, — сказал он, — годы идут, годы идут...

— Постарела?

— Как тебе сказать... Оформилась.

— А ты обрюзг. Позор. Галина дома?

— На собрании в школе. Хулиган у нас растет... Толстею, говоришь? Жена советует: «Тебе надо бегать по утрам». А я отвечаю: «Если побегу, то уже не вернусь...» Кофе хочешь? Раздевайся...

— Только после вас, доктор, — вспомнила Лида какую-то старую шутку.

Они прошли в гостиную. Торшер с прожженным абажуром. Иностранные журналы на подоконнике.

— Хорошо у тебя, — сказала Лида, — в новых квартирах жутко делается. Все полированное, сплошной хрусталь...

— Хрусталь и у меня есть, — похвастал Левин.

— Где?

— В ломбарде.

— По-прежнему канцерогенами занимаешься?

— По-прежнему.

— Расскажи.

— Минуточку, чайник поставлю.

— Жду...

Лида вынула записную книжку, авторучку и сигареты «БТ».

Левин вернулся. Они закурили.

- Ты во Франции был?
- Две недели.
- Ну и как?
- Нормально.
- А конкретнее?
- Трудолюбивый народ, реакционная буржуазия, экономический кризис, обнищание масс...
- Ты по-человечески расскажи. Хорошо французы к нам относятся?
- А черт их знает. Настроение у всех хорошее.
- Как насчет благосостояния? Как тебе француженки, понравились?
- Благосостояние нормальное. Кормили хорошо. У меня был третий стол. Вино, цыплята, кофе, сливки... Девушки замечательные. Вернее, так, либо уродина, либо красотка. Тут дело в косметике, я полагаю. Косметика достоинства подчеркивает, а недостатки утрирует... Держатся свободно, непосредственно. У них такие белые синтетические халаты, декольте...
- Что значит — белые халаты? Ты в клинике работал?
- Я не работал. Я дизентерией в Ницце заболел. День погулял и слег.
- Значит, Франции практически не видел?
- Почему? У нас был цветной телевизор.
- Не повезло тебе.
- Зато я отдохнул.
- Привез что-нибудь интересное? Сувениры, тряпки?
- Слушай, — оживился Левин, — я уникальную вещь привез. Только отнесись без ханжества. Ты же врач. Сейчас достану. Я его от Вовки прячу.
- Что ты имеешь в виду?
- Лидка, я член привез. Каучуковый член филигранной работы. Ей-богу. Куда же он девался? Видно, Галка перепрятала...

— Зачем это тебе?
— Как зачем? Это произведение искусства. Клянусь. И Галке нравится.

— Как таможенники не отобрали?

— Я же не в руках его тащил, я спрятал.

— Куда? Ведь не иголка...

— Я одну даму попросил из нашей лаборатории. Женщин менее тщательно обыскивают. И возможностей у них больше. Физиология более... укромная...

— Ты как ребенок. Поговорим лучше о деле.

— Сейчас я кофе принесу.

На столе появились конфеты, вафли и лимон.

— Сгущенное молоко принести?

— Нет. Рассказывай.

— Чего рассказывать? Я занимаюсь моделированием химических реакций. Одно время исследовал канцерогенез асбестовой пыли...

— Ты мне скажи, рак излечим?

— Рак кожи — да.

— А рак желудка, например?

— Лидочка, полный хаос в этом деле. Миллиграмм канцерогена убивает лошадь. У любого взрослого человека на пальце этих самых канцерогенов — табун отравить можно. А я вот курю и тем не менее — жив... Дым, в свою очередь, тоже... Не записывай. Рак — щекотливая тема. Запретят твою передачу.

— Не думаю.

— Что, я с журналистами дела не имел?! Обратись к терапевту, у них благодать. Соцобязательства каждый месяц берут... Ты позвони в свою контору, согласуй.

Агапова позвонила Нине Игнатьевне. Та перепугалась.

— Лидочка, рак — слишком печально. Порождает отрицательные эмоции. Ассоциируется с неизвестным романом. Мы ждем чего-нибудь светлого...

— Рак — это проблема номер один.
— Лидочка, не упрямитесь. Есть негласное распоряжение.

— Что ж, — вздохнула Лида, — извините...

— Куда ты? — удивился Левин. — Посиди.

— Я, в общем-то, по делу зашла.

— Мы семь лет не виделись. Скоро Галка придет, выпьем чего-нибудь.

— Ты уж прости, не хотелось бы мне ее видеть.

Левин молчал.

— Ты счастлив, Боря?

Левин снял очки. Теперь он был похож на второгодника.

— Какое там счастье! Живу, работаю. Галка, я согласен, трудный человек. Есть в ней что-то безжизненное. Володя — хам, начитанный, развитый хам. Я все-таки доктор наук, профессор. А он говорит мне вчера: «У тебя комплекс неполноценности...»

— Но ведь ты ученый, служишь людям. Ты должен гордиться...

— Брось, Лида. Я служу Галине и этому засранцу.

— Ты просто не в форме.

Лида уже стояла на площадке.

— А помнишь, как в Новгород ездили? — спросил Левин.

— Боря, замолчи сейчас же. Все к лучшему. Ну, я пошла.

И она пошла вниз, на ходу раскрывая зонтик. Щелчок — и над головой ее утвердился пестрый, чуть вибрирующий купол.

— А как мы дыни воровали?! — закричал он в лестничный пролет...

К этому времени стемнело. В лужах плавали акварельные неоновые огни. Бледные лица прохожих казались отрешенными. Из-за поворота, качнувшись,

выехал наполненный светом трамвай. Лида опустилась на деревянную скамью. Сложила зонтик. В черном стекле напротив отражалось ее усталое лицо. Кому-то протянула деньги, ей сунули билет. Всю дорогу она спала и проснулась с головной болью. К дому шла медленно, ступая в лужи. Хорошо, догадалась надеть резиновые чешские боты...

Осинские жили в соседнем подъезде. Аркадий — тренер, вечно шутит. На груди у него, под замшевой курткой, блестит секундомер. Милка где-то химию преподает.

Сын — таинственная личность. Шесть лет уклоняется от воинской повинности. Шесть лет симулирует попеременно — невроты, язву желудка и хронический артрит. Превзошел легендарного революционера Камо. За эти годы действительно стал нервным, испортил желудок и приобрел хронический артрит. Что касается медицинских знаний, то Игорь давно оставил позади любого участкового врача. Кроме того, разбирается в джазе и свободно говорит по-английски...

В общем, человек довольно интересный, только не работает...

Лида поднялась на третий этаж. Ей вдруг неудержимо захотелось домой. Прогоняя эту мысль, нажала кнопку. Глухо залаял Милорд.

— Входи, — обрадовалась Мила Осинская, — Игорь где-то шляется. Арик на сборах в Мацесте. Познакомься, это Владимир Иванович.

Навстречу ей поднялся грузный человек лет шестидесяти. Протянул руку, назвалсся. С достоинством разлил коньяк. Мила включила телевизор.

— Хочешь борща?

— Нет. Я, как ни странно, выпью.

— За все хорошее, — дружелюбно произнес Владимир Иванович.

Это был широкоплечий, здоровый мужчина в красивом тонком джемпере. Лицо умеренно, но регулярно выпивающего человека. В кино так изображают отставных полковников. Прочный лоб, обыденные светлые глаза, золотые коронки.

Чокнулись, выпили.

— Ну, беседуйте, — сказала хозяйка, — а я к Воробьевым зайду на десять минут. Мне Рита кофту вяжет...

И ушла.

— Я, в общем-то, по делу, — сказала Лида.

— К вашим услугам.

— Мы готовим радиопередачу «Встреча с интересным человеком». Людмила Сергеевна кое-что о вас рассказывала... И я подумала... Мне кажется, вы интересный человек...

— Человек я самый обыкновенный, — произнес Владимир Иванович, — хотя не скрою, работу люблю и в коллективе меня уважают...

— Где вы работаете? — Лида достала блокнот.

— В Порхове имеется филиал «Красной зари». Создаем координатные АТС. Цех большой, ведущий. По итогам второго квартала добились серьезных успехов...

— Вам не скучно?

— Не понял.

— Не скучно в провинции?

— Город наш растет, благоустраивается. Новый Дом культуры, стадион, жилые массивы... Записали?

Владимир Иванович наклонил бутылку. Лида отрицательно покачала головой. Он выпил. Подцепил ускользящий маринованный гриб.

Лида, выждав, продолжала:

— Я думаю, можно быть провинциалом в столице и столичным жителем в тундре.

— Совершенно верно.

— То есть провинция — явление духовное, а не географическое.

— Вот именно. Причем снабжение у нас хорошее: мясо, рыба, овощи...

— Гастролируют столичные творческие коллективы?

— Разумеется, вплоть до Магомаева.

Владимир Иванович снова налил.

— Вы, наверное, много читаете? — спросила Лида.

— Как же без этого. Симонова уважаю. Ананьева, военные мемуары, естественно — классику: Пушкина, Лермонтова, Толстого... Последних, как известно, было три... В молодости стихи писал...

— Это интересно.

— Дай бог памяти. Вот, например... Владимир Иванович откинулся на спинку кресла:

Каждый стремится у нас быть героем,
Дружно шагаем в строю,
Именем Сталина землю покроем,
Счастье добудем в бою...

Лида подавила разочарование.

— Трудно быть начальником цеха?

— Прямо скажу — нелегко. Тут и производственный фактор, и моральный... План, текучесть, микроклимат, отрицаловка... А главное, требовательный народ пошел. Права свои знает. Дай то, дай это... Обязанностей никаких, а прав до черта... Эх, батьки Сталина нет... Порядок был, порядок... Опоздал на минуту — под суд! А сейчас... Разболтался народ, разболтался... Сатирики, понимаешь, кругом... Эх, нету батьки...

— Значит, вы одобряете культ личности? — тихо спросила Агапова.

— Культ, культ... Культ есть и будет... Личность нужна, понимаете, личность!

Владимир Иванович разгорячился, опьянел. Теперь он жестикулировал, наваливался и размахивал вилкой.

— Жизнь я нелегкую прожил. Всякое бывало. Низко падал, высоко залетал... Я ведь, между нами, был женат...

— Почему — между нами? — удивилась Лида.

— На племяннице Якира, — шепотом добавил Владимир Иванович.

— Якира? Того самого?

— Ну. Ребенок был у нас. Мальчишка...

— И где они сейчас?

— Не знаю. Потерял из виду. В тридцать девятом году...

Владимир Иванович замолчал, ушел в себя.

Долго Лида ждала, потом, волнуясь, краснея, спросила:

— То есть как это — потерял из виду? Как можно потерять из виду свою жену? Как можно потерять из виду собственного ребенка?

— Время было суровое, Лидочка, грозное, суровое время. Семьи рушились, вековые устои рушились...

— При чем тут вековые устои?! — неожиданно крикнула Лида. — Я не маленькая. И все знаю. Якира арестовали, и вы подло бросили жену с ребенком. Вы... Вы... Вы — неинтересный человек!

— Я попросил бы, — сказал Владимир Иванович, — я попросил бы... Такими словами не бросаются...

И затем уже более миролюбиво:

— Ведите себя поскромнее, Лидочка, поскромнее, поскромнее...

Милорд приподнял голову.

Лида уже не слушала. Вскочила, сорвала курточку в прихожей и хлопнула дверью.

На лестнице было тихо и холодно. Тенью пронеслась невидимая кошка. Запах жареной рыбы наводил тоску.

Лида спустилась вниз и пошла через двор. Влажные сумерки прятались за гаражами и около мусорных баков. Темнели и поскрипывали ветки убогого сквера. На снегу валялся деревянный конь.

Лида заглянула в почтовый ящик, достала «Экономическую газету». Поднялась и открыла дверь. В комнате мужа гудел телевизор. На вешалке алело Танино демисезонное пальто. Лида разделась, кинула перчатки на зеркальный столик.

В уборную, едва поздоровавшись, скользнул молодой человек. Грязноватые локоны его были перевязаны коричневым сапожным шнурком. Плюшевые брюки ниспадали, как шлейф.

— Татьяна, кто это?

— Допустим, Женя. Мы занимаемся.

— Чем?

— Допустим, немецким языком. Ты что-нибудь имеешь против?

— Проследи, чтобы он вымыл руки, — сказала Лида.

— Как ты любишь все опошлить! — ненавидящим шепотом выговорила дочь...

Лида позвонила мне в час ночи. Ее голос звучал встревоженно и приглушенно:

— Не разбудила?

— Нет, — говорю, — хуже...

— Ты не один?

— Один. С Мариной...

— Ты можешь разговаривать серьезно?

— Разумеется.

— Нет ли у тебя в поле зрения интересного человека?

— Есть. И он тебе кланяется.

— Перестань. Дело очень серьезное. Мне в четверг передачу сдавать.

— О чем?

— Встреча с интересным человеком. Нет ли у тебя подходящей кандидатуры?

— Лида, — взмолился я, — ты же знаешь мое окружение. Сплошные подонки! Позвони Кленскому, у него тесть — инвалид...

— У меня есть предложение. Давай напишем передачу вместе. Заработаешь рублей пятнадцать.

— Я же не пользуюсь магнитофоном.

— Это я беру на себя. Мне нужен твой...

— Цинизм? — подсказал я.

— Твой профессиональный опыт, — деликатно сформулировала Лида.

— Ладно, — сказал я, чтобы отделаться, — позвони тебе завтра утром. Вернее — сегодня...

— Только обязательно позвони.

— Я же сказал...

Тут Марина не выдержала. Укусила меня за палец.

— До завтра, — сказал (вернее — крикнул) я и положил трубку...

Лида приоткрыла дверь в комнату мужа, залитую голубоватым светом. Вадим лежал на диване в ботинках.

— Могу я наконец поужинать? — спросил он.

Заглянула дочь:

— Мы уходим.

У Тани было хмурое лицо, на котором застыла гримаса вечного противоборства.

— Возвращайся поскорее...

— Могу я наконец чаю выпить? — спросил Вадим.

— Я, между прочим, тоже работаю, — ответила Лида.

И потом, не давая разрастаться ссоре:

— Как ты думаешь, Меркин — интересный человек?..

В ГОРУ

У редактора Туронка лопнули штаны на заднице. Они лопнули без напряжения и треска, скорее — разошлись по шву. Таково негативное свойство импортной мягкой фланели.

Около двенадцати Туронок подошел к стойке учрежденческого бара. Люминесцентная голубизна редакторских кальсон явилась достоянием всех холуев, угодливо пропустивших его без очереди.

Сотрудники начали переглядываться.

Я рассказываю эту историю так подробно в силу двух обстоятельств. Во-первых, любое унижение начальства — большая радость для меня. Второе. Прореха на брюках Туронка имела определенное значение в моей судьбе...

Но вернемся к эпизоду у стойки.

Сотрудники начали переглядываться. Кто злорадно, кто сочувственно. Злорадствующие — искренне, сочувствующие — лицемерно. И тут, как всегда, появляется главный холуй, бескорыстный и вдохновенный. Холуй этот до того обожает начальство, что пугает его с родиной, эпохой, мирозданием...

Короче, появился Эдик Вагин.

В любой газетной редакции есть человек, который не хочет, не может и не должен писать. И не пишет годами. Все к этому привыкли и не удивляются.

Тем более что журналисты, подобные Вагину, неизменно утомлены и лихорадочно озабочены. Остряк Шаблинский называл это состояние — «вагинальным»...

Вагин постоянно спешил, здоровался отрывисто и нервно. Сперва я простодушно думал, что он — алкоголик. Есть среди бесчисленных модификаций похмелья и такая разновидность. Этакое мучительное бегство от дневного света. Вибрирующая подвижность беглеца, настигаемого муками совести...

Затем я узнал, что Вагин не пьет. А если человек не пьет и не работает — тут есть о чем задуматься.

— Таинственный человек, — говорил я.

— Вагин — стукач, — объяснил мне Быковер, — что в этом таинственного?

...Контора размещалась тогда на улице Пикк. Строго напротив здания Госбезопасности (ул. Пагари, 1). Вагин бывал там ежедневно. Или почти ежедневно. Мы видели из окон, как он переходит улицу.

— У Вагина — сверхурочные! — орал Шаблинский...

Впрочем, мы снова отвлеклись.

...Сотрудники начали переглядываться. Вагин мягко тронул редактора за плечо:

— Шеф... Непорядок в одежде...

И тут редактор сплеховал. Он поспешно схватился обеими руками за ширинку. Вернее... Ну, короче, за это место... Прodelал то, что музыканты называют глissандо. (Легкий пробег вдоль клавиатуры.) Убедился, что граница на замке. Побагровел:

— Найдите вашему юмору лучшее применение.

Развернулся и вышел, обдав подчиненных неоновым сиянием исподнего.

Затем состоялся короткий и весьма таинственный диалог.

К обескураженному Вагину подошел Шаблинский.

— Зря вылез, — сказал он, — так удобнее...
— Кому удобнее? — покосился Вагин.
— Тебе, естественно...
— Что удобнее?
— Да это самое...
— Нет, что удобнее?
— А то...
— Нет, что удобнее? Что удобнее? — раскричался Вагин. — Пусть скажет!
— Иди ты на хер! — помолчав, сказал Шаблинский.

— То-то же! — восторжествовал стукач...
Вагин был заурядный, неловкий стукач без размаха...

Не успел я его пожалеть, как меня вызвал редактор. Я немного встревожился. Только что подготовил материал на двести строк. Называется — «Папа выше солнца». О выставке детских рисунков. Чего ему надо, спрашивается? Да еще злополучная прореха на штанах. Может, редактор думает, что это я подстроил. Ведь был же подобный случай. Я готовил развернутую информацию о выставке декоративных собак. Редактор, любитель животных, приехал на казенной машине — взглянуть. И тут началась гроза. Туронок расстроился и говорит:

— С вами невозможно дело иметь...
— То есть как это?
— Вечно какие-то непредвиденные обстоятельства...

Как будто я — Зевс и нарочно подстроил грозу.
...Захожу в кабинет. Редактор прогуливается между гипсовым Лениным и стереоустановкой «Эстония».
Изображение Ленина — обязательная принадлежность всякого номенклатурного кабинета. Я знал единственное исключение, да и то частичное. У меня был

СОДЕРЖАНИЕ

ИЩУ ЧЕЛОВЕКА	5
В ГОРУ	25
ЧЬЯ-ТО СМЕРТЬ	63
НА ЧТО ЖАЛУЕТЕСЬ, СЕРЖАНТ?	88
МАРШ ОДИНОКИХ	102
ИНОСТРАНЕЦ	123
ПО ПРЯМОЙ	129
ПОЛКОВНИК ГОВОРIT – ЛЮБЛЮ	149
ИЗ СБОРНИКА «ДЕМАРШ ЭНТУЗИАСТОВ»	
Хочу быть сильным	164
Блюз для Натэллы	172
Эмигранты	176
Победители	179
Чирков и Берендеев	182
Когда-то мы жили в горах	185
ОСЛИК ДОЛЖЕН БЫТЬ ХУДЫМ	
<i>Сентиментальный детектив</i>	192
РОЛЬ	221
СОЛДАТЫ НА НЕВСКОМ	233
ИЗ РАССКАЗОВ О МИНУВШЕМ ЛЕТЕ	
Ариэль	251
Игрушка	255
Мы и гинеколог Буданицкий	261
ИЗ КНИГИ	
«МЕНЮ, ИЛИ ЗАПИСКИ ГОЛОДАЮЩЕГО»	
Старый петух, запеченный в глине	267